

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОНЯТИЕ, ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

*Работа представлена кафедрой политологии Северо-западной академии государственной службы.
Научный руководитель – доктор политических наук, профессор Т. М. Полякова*

В статье рассмотрены этнополитические процессы в России и Калмыкии. Автор полагает, что государственное строительство в Калмыкии, с учетом региональной специфики, – важное условие стабилизации этнополитической сферы России.

The article represents ethnopolitical processes in Russia and Kalmykia. It is the author's belief that state construction in Kalmykia, minding the regional specifics, is an important condition of ethnopolitical stabilization in Russia.

Этнополитические процессы в России в конце XX – начале XXI вв. чаще всего характеризуются своей конфликтностью, противоречивостью целей участников, что повлияло на процессы государственного строительства в субъектах РФ, выбор политических технологий регулирования социально-политической сферы. Выявление факторов этнополитического процесса, прогнозирование развития этнополитических событий, с учетом региональной специфики, является актуальной научной проблемой и важной практической задачей на современном этапе развития России.

При всей многозначности целей, политических стратегий мультикультурных обществ в 1990-е гг., выступивших с идеями повышения политического статуса народов, которые государственности как таковой до настоящего времени не имели, среди задач, которые стремились решать участники этнополитических процессов, рассматривалась необходимость возрождения культуры, национального языка, развития национального образования, реализация права народов (этносов) на самоопределение в составе России. В данном случае речь не идет о стремлении того или иного наро-

да, субъекта РФ, территории к отделению. Данную проблему следует рассматривать как право на самоопределение в различных юридических формах. Многообразие этих форм сегодня реализовано в условиях асимметричной Российской Федерации, национально-культурной автономии согласно Конституции Российской Федерации¹. Проводимая в полиэтничном государстве этнонациональная политика может не вовлекать этносы в орбиту политико-властных отношений. Национально-культурная автономия решает многие проблемы для народов, избравших данный вариант обеспечения потребностей в области развития традиций, языка, образования, национальной культуры. По российскому законодательству право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение. Это означает не что иное, как возможность этноса организовывать самоуправление на своей территории и участвовать в осуществлении власти в государстве с учетом политических, экономических, культурных прав и свобод человека и гражданина государства – Российской Федерации².

Наряду с этим возникшая в XX в. активность новых социальных движений, а точнее, этнорегиональных, реализуется в контексте именно этнополитического процесса.

Сторонники онтологической природы этноса анализируют этнополитику с позиций теории политики через призму парадигмы социально-экономического детерминизма, а также теории конфликта. В этом контексте этнический фактор выдвигается в качестве доминанты политического процесса, обусловившего распад политической системы СССР³. Представители конструктивистского подхода анализируют этнополитику как замкнутую на самое себя сферу. При этом формирование политических элит и институтов происходит по принципу лидерства того или иного клана, тэйпа, «приватизации» политической власти. Этнический фактор используется лидерами

для институализации этничности, воспринимаемой как «форма социальной организации культурных различий» (Ф. Барт), в конструировании которой ключевую роль играет политика «этнического предпринимательства». Последнее нашло отражение в ряде регионов России, субъектов РФ, прежде всего в республиках.

Несколько иной подход к интерпретации этнополитического процесса предлагается в рамках парадигмы постмодернизма (В. А. Тишков, А. Г. Здравомыслов, А. С. Панарин). В данном случае формирование этнополитического процесса на постсоветском пространстве рассматривается в качестве одного из последствий (а не причин) распада политической системы бывшего СССР. В частности, А. Г. Здравомыслов, анализируя этнические конфликты, отмечает, что «процесс суверенизации должен быть понят не через абстракцию “национальных интересов”, а через формирование новых элит и борьбу между ними за перераспределение влияния в политическом пространстве»⁴.

Попытку совмещения онтологического и конструктивистского подходов в определении субъекта этнополитического процесса предприняли последователи инструменталистской трактовки природы этноса. Как подчеркивает Л. М. Дробижева, «результативные лидеры оказываются способными мобилизовать значительные массы людей только в том случае, если группой осознаются в той или иной мере конкретные интересы, которые декларируются лидерами»⁵.

В контексте настоящего исследования понятие «этнополитический процесс» можно определить как политический процесс, обусловленный политическими, культурными, социально-экономическими, историческими, иными факторами, которые связаны с активностью того или иного этноса (этническая мобилизация) в условиях актуализации этничности в связи с процессами трансформации общества. В недрах этнополитического процесса могут заявлять о себе партикулярные интересы социальных

групп в борьбе за власть или обретение соответствующего государственного статуса этносом в существующих границах государства. В современной России этнополитический процесс характеризуется многофакторностью влияний, разнонаправленностью тенденций в государственном строительстве. Важную роль в развитии этнополитического процесса играет традиционалистская политическая культура, характеризующаяся сакрализацией «сильной» власти, харизматической легитимацией политических лидеров, обладающих, якобы, незаурядными свойствами – народного героя (пши (*адыг.*) – князь, нойон (*калмыц.*) – хан). Этническая самоидентификация в недрах политического процесса происходит под влиянием «исторической памяти», психологических травм и комплексов прежних обид (войны, депортации, территориальные споры), а также этноидеологии, предлагающей цели и средства участия народа в этнополитическом процессе. Имеют место «требования», выдвигаемые в адрес центральной власти в целях реализации «общепринятых стандартов на практике»⁶. К примеру, в Республике Калмыкия попытки возродить традиционное животноводство, разведение крупного рогатого скота с учетом использования территорий степи для пастбищ оказались трудно реализуемыми в связи с нарушением преемственности в ведении традиционного хозяйства, финансовой зависимостью Калмыкии от федерального бюджета, отсутствием материально-экономических ресурсов для развития агросферы. Однако по-прежнему актуальны идеи о том, что выживание калмыцкого народа с его особенной культурой обуславливается его политическим статусом, возможностями развивать собственную культуру, язык, государственность в составе Российской Федерации. На первый план все чаще выходит не традиция для решения новых задач, но потребность в адаптации к новым условиям с помощью образования, новых технологий

развития общества, развития потенциала самих традиций, опыта народа. Уже в начале 1990-х гг. этноэлита Калмыкии выступила с идеей нового пути развития республики по принципу: «традиции плюс новые технологии». В частности, президент республики К. Илюмжинов в 1993 г. предлагал рассматривать республику – субъект РФ – как корпорацию, где результатом совместных усилий должно стать общее благо – «Корпорация Калмыкия».

В 1990-е гг., когда этнические элиты выступили инициаторами политизации и мобилизации этносоциальной сферы, Калмыкия выступила инициатором стабилизации этнополитического процесса в регионе. Об этом свидетельствовали публичные выступления К. Илюмжинова, который в 1994 г. заявил об отказе калмыцкой нации от права на самоопределение, предупреждая, тем самым, непредсказуемость развития этнополитической ситуации. Он заявил: «С XVII века калмыки шли плечом к плечу с Россией. Слишком много жизней положили они во имя создания Великого государства Российского, чтобы безразлично взирать на гибель державы. Кто-то должен был сделать первый шаг, чтобы остановить гибельный процесс распада. Переступить через национальный эгоизм, через сознание национальной исключительности и самолюбования. Кто-то должен был встать на путь самопожертвования, отказавшись от права на самоопределения. Великого права»⁷.

Современная Республика Калмыкия развивает свою государственность в составе Российской Федерации. Участники этнополитического процесса в качестве важнейших целей сегодня рассматривают обеспечение устойчивого развития республики, взаимовлияние и взаимодействие народов, проживающих на территории республики, конфессиональных и этнокультурных организаций, обеспечение экономической самодостаточности «единой Калмыкии в единой России».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конституция Российской Федерации. Принята на референдуме 12 декабря 1993 года. М., 1994. Ст. 5.

² См.: О национально-культурной автономии: Закон Российской Федерации // Собрание законодательства РФ (1996).

³ *Андреев А.* Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // ОНС. 1996. № 1.

⁴ *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. С. 164.

⁵ Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Отв. ред. Л. М. Дробужева. М., 1998. С. 9.

⁶ См.: *Харакка-Зайцев Д. В.* Ингерманландская этническая общность: историко-правовой аспект статуса национальных меньшинств и коренных народов. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 55.

⁷ *Илюмжинов К.* Терновый венец президента: Документальная повесть. М.: Центрполиграф, 1995. С. 263.